

Реквием
Галлюцинация
Антонио
Табушки

INSPIRIA

Москва

УДК 821.134.3-31(450)

ББК 84(4Ита)-44

T12

Antonio Tabucchi

REQUIEM

Uma alucinação

Copyright © Antonio Tabucchi, 1991

All rights reserved

Перевод с португальского *Владимира Лукьянчука*

Табукки, Антонио.

T12 Реквием. Галлюцинация / Антонио Табукки ; [перевод с португальского В. Лукьянчука]. — Москва : Эксмо, 2025. — 160 с.

ISBN 978-5-04-199601-7

Жарким июльским воскресеньем безымянный рассказчик путешествует по Лиссабону. На пути ему встречаются разные люди — некоторые из них реальные, а некоторые существуют лишь в его воспоминаниях, — он посещает кафе, гостиницы, едет в пригород, а в конце дня встречается с не названным поэтом, в котором легко угадывается Фернандо Пессоа.

Этот текст отчасти напоминает травелог, отчасти – гастрономический гид Португалии, он балансирует между галлюцинаторным и реальным, между неявными фантазиями и подробными описаниями мест и блюд.

Не случайно Антонио Табукки написал роман на португальском, ведь этим текстом он воздает дань уважения стране и городу, ставшими для него родными.

УДК 821.134.3-31(450)

ББК 84(4Ита)-44

© Лукьянчук В., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-199601-7

Примечание

Эта история, происходящая в одно июльское воскресенье в пустынном и знойном Лиссабоне, это — *Реквием*, который должен был исполнить персонаж по имени «я», написав эту книгу. Если кто-то спросит у меня, почему она написана на португальском, я отвечу, что история, подобная этой, могла быть написана только на португальском, и точка. Однако требуется уточнить еще один момент. По правилам, *Requiem* должен быть написан на латыни, во всяком случае, так требует традиция. Но тут нужно принять во внимание, что я не в ладах с латынью. Как бы там ни было, я понял, что на моем родном итальянском *Реквием* у меня не получится, мне нужен какой-то другой язык: язык — вместилище разума и чувств.

Этот *Реквием* — не только музыкальное произведение, это также сон, где мой персо-

наж встречается с живыми и мертвыми в одном и том же измерении: с людьми, вещами, местами, которые, вероятно, заслуживают оратории, которую мой персонаж мог исполнить только по-своему: написав этот роман. Но в первую очередь эта книга — дань признательности стране, которая меня усыновила и которую я признал родной, ее людям, к которым я проникся симпатией и которые, в свою очередь, ответили взаимностью мне.

Если кто-то заметит, что этот *Реквием* не исполнен с подобающей жанру торжественностью, я не смогу не согласиться. Правда заключается в том, что я предпочел исполнить свою музыку не на церковном органе, а на гармошке, которую можно сунуть в карман, или же на шарманке, с которой можно ходить по улицам. Подобно Друммонду ди Андради я всегда любил безыскусную музыку или, как он говорил: «*Мне Гендель в друзья не годится, я не слушаю архангельскую заутреню. Мне достаточно того, что долетает с улицы, без послания, и улечувивается, как улечувиваемся и мы*».

А. Т.

Персонажи, встречающиеся в этой книге:

Молодой Наркоман

Хромой Продавец Лотерейных Билетов

Таксист

Буфетчик в Кафе «Бразилейра»

Старая Цыганка

Смотритель Кладбища

Тадеуш

Сеньор Казимир

Жена Сеньора Казимира

Портье Пансиона «Изадора»

Изадора

Вириата

Молодой Отец

Бармен в Музее старинного искусства

Копиист

Железнодорожный Контролер

АНТОНИО ТАБУККИ

Жена Смотрителя Маяка

Мэтр Дома Алентежу

Изабель

Продавец Историй

Мариязинья

Сотрапезник

Аккордеонист

1

Я подумал: этот тип уже не придет. Но следом за этим подумал: я не вправе называть его «типом», он великий поэт, может, самый великий поэт двадцатого века, умер давно, я должен относиться к нему с уважением, более того — с глубочайшим уважением. Между тем мне становилось не по себе, солнце в конце июля припекало что есть силы, и я подумал еще: я же на отдыхе, в загородном доме моих друзей в Азейтао мне прекрасно отдыхалось, кто меня заставлял соглашаться на эту встречу здесь, на молу? Полный абсурд. Я заметил у ног свою тень, она тоже показалась мне абсурдной и неуместной, в ней не было смысла, слишком короткая, иссушенная полуденным солнцем, и как раз в ту минуту я вспомнил, что он назначил встречу на двенадцать, но, возможно, имелось в виду двенадцать ночи,

потому что призраки появляются в полночь. Я поднялся и пошел по краю мола.

Движение на бульваре замерло, проезжали редкие машины, на их рейлингах были зонты от солнца, все эти люди ехали на пляжи Капарики, жара стояла невыносимая, и я подумал: что я здесь делаю в последнее июльское воскресенье? и ускорил шаг, чтобы по возможности быстрее добраться до Сантоса, может, в саду будет немного прохладнее.

Сад был пуст, лишь за своим столиком сидел продавец газет. Я подошел, и он улыбнулся. «Бенфика» выиграл, сказал он, сияя от радости, видели в газете? Я покачал головой: нет, еще не видел, тогда продавец газет сказал: ночной матч в Испании с благотворительной целью. Я купил свежий номер *A Bola*¹ и выбрал скамейку в тени. Стал читать, как разворачивалось действие на футбольном поле, в результате которого «Бенфика» одержал верх над «Реал Мадридом», как вдруг слышу: здравствуйте, и поднимаю глаза. Здравствуйте, повторил сто-

---

¹ «Мяч» (*порт.*) — португальская ежедневная спортивная газета.

явший передо мной молодой человек с длинной бородой, мне нужна ваша помощь. В чем? — спросил я. Я хочу есть, ответил юноша, я два дня не ел. Ему было около двадцати, в джинсах, рубашке, он протягивал руку, словно просил подаяния. Он был светловолос, с синими подглазьями. Два дня не ширялся? — спросил я инстинктивно, а юноша ответил: еда и ши-за постоянно заканчиваются, во всяком случае, у меня. В принципе я «за» наркотики, сказал я, легкие и тяжелые, но это в принципе, а на практике я — против, вы должны меня извинить, но я буржуазный интеллеktуал с массой предрассудков, я не могу допустить, чтобы вы вводили себе дозу в городском саду, демонстрируя удручающее зрелище своего тела, вы меня, конечно, извините, но это противоречит моим принципам, я в крайнем случае мог бы еще допустить, если бы вы ширялись дома, как бывало в старые времена, в компании образованных и интеллигентных людей под музыку Моцарта или же Эрика Сати. Кстати, добавил я, вам нравится Сати? Молодой Наркоман посмотрел на меня удивленно. Это ваш друг? — спросил он. Нет, сказал я, это французский композитор,

авангардист, величайший музыкант эпохи сюрреализма, если, конечно, допустить, что сюрреализм составляет эпоху, он писал в основном фортепианную музыку, думаю, он был невропатом, может, как я или вы, мне бы хотелось знать его лично, но наши эпохи, увы, не совпали. Всего двести эскудо, сказал Молодой Наркоман, всего двухсот не хватает, остальное уже есть, через полчаса проедет Креветка, здешний драгдилер, мне нужна доза, у меня ломка. Молодой Наркоман вынул из кармана носовой платок и натужно высморкался. На глазах его выступили слезы. Вы нехороший человек, сказал Молодой Наркоман, я ведь мог вести себя агрессивно, угрожать вам, как настоящий наркоман, но я обратился к вам вежливо и сердечно, мы даже поговорили о музыке, а вам жалко двухсот эскудо, уму непостижимо. Он снова утер нос и продолжил: к тому же на сотенных купюрах нарисован Пессоа, и сейчас я задам вам вопрос — вам нравится Пессоа? Еще как, ответил я, настолько, что я даже могу рассказать вам одну замечательную историю, хотя не стоит, мне кажется, у меня поехала крыша, я только сейчас пришел с Алькантара, но там ни-

кого не было, думаю, что вернусь туда в полночь, не знаю, понимаете ли вы, о чем я. Понятия не имею, сказал Молодой Наркоман, но не суть важно, спасибо. Он положил в карман двести эскудо, которые я ему протянул, и снова высморкался. Ладно, сказал он, простите, я побежал, надо поймать Креветку, приятно было поговорить, желаю вам удачного дня, с вашего разрешения откланиваюсь, до свидания.

Я прижался спиной к скамейке и закрыл глаза. Стояла удушающая жара, читать про футбол не хотелось, похоже, я слегка проголодался, но подняться и поискать какой-нибудь ресторан мне стоило безумных усилий, я предпочел остаться в тени, почти бездыханный.

Завтра розыгрыш, слышался голос, не хотите купить билетик? Я открыл глаза. Перед мной стоял мужичок лет семидесяти, одет скромно, но в лице и манерах угадывались следы бывшего преуспевания и значимости. Он приблизился ко мне, прихрамывая, и я подумал, что откуда-то знаю этого типа, после чего сказал: по стойте, мы где-то уже встречались, вы — Хромой Продавец Лотерейных Билетов, конеч-

но, еще как встречались. Где? — спросил человек, усаживаясь на мою скамейку со вздохом облегчения. Не знаю, сказал я, с ходу трудно сказать, но у меня абсурдное ощущение, что я вас встречал в какой-то книге, но это, наверное, жара и голод, порой они выкидывают такие штучки. А у меня впечатление, сказал старик, что вы слегка того, извините, что я вам это говорю, но вы, по-моему, маленько рехнулись. Нет, сказал я, проблема в другом. Проблема в том, что я и сам не могу объяснить, как оказался здесь, похоже, это какая-то галлюцинация, я даже не могу объяснить, о чем говорю, скажем так: я находился в Азейтао, вы знаете Азейтао? в загородном доме моих друзей, лежал в удобном шезлонге под высоким деревом, шелковицей, по-моему, читал любимую книгу и вдруг очутился здесь, ну да, сейчас я припоминаю, это была «Книга беспокойства»¹, в ней вы — Хромой Продавец Лотерейных Би-

---

¹ Livro do Desassossego (*норм.*) — роман (1934) Фернандо Пессоа, на русский переводился под разными названиями: «Книга неуспокоенности», «Книга тревог», «Книга смятения», «Книга непокоя».

летов, безуспешно пристававший к Бернардо Суарешу, вот где я тебя, голубчик, видел, в этой книге, которую читал под шелковичным деревом в загородном доме в Азейтао. Беспокойств у меня хватает, сказал Хромой Продавец Лотерейных Билетов, у меня такое же впечатление, будто я вышел из прекрасно иллюстрированной книги с богато накрытыми столами, с богатыми залами, но богатство уплыло, Бернардо, мой брат, Бернардо Антонио Перейра де Мело пустил по ветру все наше состояние, Лондон, Париж, проститутки, предприятия на Севере проданы по дешевке, почти за бесценок, операция в Хьюстоне по удалению раковой опухоли довершила дело, деньги в банке закончились, и сейчас я продаю лотерейные билеты. Хромой Продавец Лотерейных Билетов перевел дыхание и сказал: как бы там ни было, извините меня, я не собираюсь дискутировать, но поскольку я обратился к вам как к достойному господину, я не очень-то понимаю фамильярности с вашей стороны, вы мне почти что «тыкаете», позвольте представиться: Франсиско Мария Перейра де Мело, рад познакомиться. Простите меня, уважаемый, ответил